

**УМЛАУТ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ НЕМЕЦКО-ЧУВАШСКОГО БИЛИНГВИЗМА
НА ПРИМЕРЕ ЗВУКА [ÿ]**

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Исследуется немецкий лингвистический термин «Umlaut», употребляющийся в русском языке без перевода в устной и письменной речи, который семантизируется как перегласовка – тембровое изменение корневых гласных заднего ряда в результате сдвига их вперед. На примере палатализации гласного [y] на [ÿ] в чувашском языке и [u] на [ü] в немецком, с учетом панхронического характера данного процесса развития огубленного звука и собственного многолетнего опыта обучения произношению и транскрибированию слов с умлаутом, приоритетное внимание уделяется автором положительному значению интерференции – взаимообогащению контактируемых языков. В статье наглядно иллюстрируются представительство словарного текста «умлаут» в чувашской лексикографии и количественная характеристика [ÿ] в лексическом фонде немецкого языка. Частотность примеров звукоперехода типа *Stuhl* ‘стул’ в *Stühle* ‘стулья’ или наличие в чувашском *ула* ‘выть’ и *у́ле* с одинаковым значением доказывают перспективность изучения темы, а присутствие германского *wudu* в словарном тексте «умлаут» вызывает интерес к английскому *wood* [wud] ‘лес, дерево, дрова’ и чувашскому *вут* ‘лес, дрова, огонь’ как доказательству актуальности исследования.

Ключевые слова: *умлаут, вокализм, консонантизм, произношение, артикуляция, анлаут, инлаут, ауслаут, этимология, фонема, имитатив, интерференция, транскрипция.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования произношения звука [ÿ] детерминирована частотностью его употребления в чувашской и немецкой речи, а также активностью участия *ÿ* и *Ü* в инициировании явления умлаута. Данный термин выражает изменение корневых гласных звуков [a], [o], [y] под влиянием последующего *i* (*j*) в германских языках, однако умлаутные формы широко распространены и в чувашском языке. Изучение умлаута актуализирует и общность в артикуляции чувашского [ÿ] и немецкого [ü], что создает благоприятные условия для усвоения немецкого звука в чувашской аудитории. Самобытность чувашского умлаута дает также возможность углубленного изучения зарубежного чувашеведения по немецкоязычным источникам немецких и финских ученых.

В данной статье в целях рационализации изложения полученных результатов имена и названия трудов российских и зарубежных чувашеведов практически не упоминаются, а даются в списке использованной литературы. Опираясь на них, пытаемся познать известную мудрость: *Величайшим уроком истории является то, что никто не извлекает уроков из уроков истории* [7, с. 3]. Стремясь извлечь урок из недавнего прошлого, в котором слабо изучалась тема умлаута и постановки его произношения, автор статьи, защи-

© Иванов В. А., 2018

Иванов Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: profiwanow@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2018

тивший свою первую кандидатскую диссертацию по специальности «Немецкий язык и методика преподавания иностранных языков», вносит определенный вклад в просвещение филологов и педагогов по данной тематике, облегчает усвоение умлаута в чувашской аудитории и привлекает внимание к самобытности чувашского языка.

Материал и методика исследований. Научные дискуссии о месте чувашского языка в лингвистике имеют трехвековую историю (Ф. Штраленберг, В. Шотт, Г. Миллер, А. Альквист, Х. Паасонен, З. Гомбоц, В. В. Радлов, Н. Н. Поппе, чьи труды создавались на немецком языке). Автор статьи, имеющий на руках подлинники некоторых немецко-язычных чувашеведов, считает перспективным довести их позиции до современных российских исследователей. Целями работы являются дополнить данные о чувашском языке и расширить их за пределы угро-финских и тюркских языков. Используются источники на русском, немецком, чувашском языках об умлауте, о звуковом составе чувашского языка в сравнении с немецким, а также лексикографические труды, в том числе посвященные этимологии лексем со звуками [ʏ] и [ü], по контактируемым языкам. Осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ имеющихся экспериментальных данных, изучено историческое наследие двух народов, обобщен опыт обучения немецкому языку в России.

Результаты исследований и их обсуждение. Филологическая наука семантизирует концепт «умлаут» как перегласовку, палатализацию гласного, его смягчение в результате сдвига вперед гласного заднего ряда в процессе артикуляции звука. Явление умлаута впервые было изучено основателем исторической германистики Я. Гриммом, ему же принадлежит коннотация данного термина [6, с. 535]. Немецкая этимология дополняет, что умлаут обратил на себя внимание уже в 1641 г., однако как лингвистический термин он зафиксирован в научной литературе только в 1819 г. [16, с. 802]. В аудиторию слово вошло в Чувашском государственном педагогическом институте в 1954 г. на лекции по фонетике немецкого языка, когда преподаватель внятно объясняла положение органов речи при произнесении немецкого [ü] и наглядно демонстрировала движение губ в процессе артикуляции данного огубленного звука, затем четко произносила в замедленном темпе: *die Lippen sind vorgestülpt und gerundet* (зубы вытянуты вперед и округлены). Студенты успели записать это важное правило и на всю жизнь запомнить его. Затем в ходе работы над дополнительной литературой они узнали: по положению артикулирующих органов «немецкая фонема *ü* обнаруживает большое сходство с чувашской *ʏ* и, естественно, усваивается чувашскими учащимися легко и быстро, в чем мы убеждались при произнесении, например, слова *führen* (вести) в сравнении с чувашским *кӱлӗ*» [9, с. 15]. Данное мнение ранее выразил один опытный учитель немецкого языка: «Немецкое *ü* звучит совершенно так же, как и чувашское *ʏ* (*fünf Bücher; нӱрт, нӱлӗм*). Сравните также *Tür* с чувашским *тӱрӗ*. Методический вывод: не нужно, как в русской школе, объяснять произношение *ü*, достаточно указать на произношение чувашского *ʏ*» [10, с. 4]. Методическая разработка чувашского педагога, включающая данную рекомендацию, была предложена к опубликованию в виде пособия Министерством просвещения РСФСР, что зафиксировано в протоколе заседания № 436 от 17 декабря 1947 г. [10, с. 2].

Общность произношения и близость артикуляции звуков [ʏ] и [ü] в контактирующих (родной и иностранный) языках в процессе обучения обоснованы данными лексикографии: слов с умлаутированным гласным (*umlautender Vokal*) *ü* в начальной позиции (*Anlaut*) в немецком языке незначительно – немногим более одного десятка (*Übel* ‘зло’ и др.), хотя на каждом уроке немецкого языка употребляется слово *Übung* ‘упражнение’. Нами выявлено, что более тысячи слов немецкого языка начинаются на *über* ‘над’ и в качестве приставки создают условия для произношения и тренировки огубленного (*gerundet*) [ü] [2, с. 456–465]. В немецко-русском словаре специальный текст на букву *Ü* не выделен. На этом фоне выделяется частотность слов на букву *ӱ* в чувашском языке и в первой позиции – анлауте (*ӱнке* ‘легкие’, *ӱт* ‘тело’, *ӱс* ‘расти’), и во второй – инлауте (*ӱӳӳ* ‘кислый’,

йӱнӗ 'дешевый', кӱлӗ 'озеро', кӱлепе 'тело', пӱре 'почки', пӱрт 'изба', сӱсмен 'хомут', сӱре 'борона', сӱр 'волос', сӱлӗк 'полка', тӱпе 'зенит', тӱме 'пуговица', хӱре 'хвост', хӱтӗ 'защита от ветра и холода', как и нем. *Hütte*), и в конце слова – ауслауте (кӱтӱ 'стадо', вӗрентӱ 'образование', чиркӱ 'церковь', пӗлӱ 'знание', кӗвӗсӱ 'ревность', вӗренӱ 'учеба', пӗлтерӱ 'объявление'). Частое использование в речи обеспечивает успешность усвоения немецкого [ü] в чувашской аудитории. Отметим также, что чувашское *Ÿ* обеспечено словарными текстами [3, с. 280–282]. То есть сама аура подготовила носителей чувашского языка к четкому произношению немецкого [ü].

Этимологические исследования широко представляют прошлое и настоящее каждого слова, в том числе с компонентом *Ÿ*. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники упустили одну важную для нашей темы структурно-семантическую единицу языка – *ӱле*, обладающую совокупностью семантических и фонетических признаков, специфичных для чувашского и немецкого языков. Знаем с детства, что данный имитатив выражает вой волка, лай собаки, причитания невесты, плач дитяти; буря «завоев как зверь и заплачет как дитя» (А. С. Пушкин). Обратившись к русскому слову *выть*, мы выявили, что оно передается чувашскими «ула, *ӱле*; о ветре – ула (кӗрле); сил *ӱлет*, хӗр *ӱлесе йӗрет*» [8, с. 119], то есть взаимодействие языков способствует компетентности в функционировании *Ÿ* и *ü* в немецко-чувашской речи.

Поэтапное становление вокализма древнечувашского языка представлено в таблицах, наглядно показывающих, как гласные *O, U, E, I* прошли период умлаута [12, с. 37]. Орхоно-енисейские памятники, подтверждая уроки истории, повторяют истину о родственности чувашского языка с болгарским и гуннским, доказывают, что чувашский язык «überrest eines älteren Entwicklungsstadiums der türkischen Sprache darstellt, in diesem Stadium die Sprache der Hunnen befand» [14, с. 31] (представляет более старую стадию развития тюркского языка, на которой находился язык гуннов) и, естественно, не обходился без *Ÿ*. Он является единственным, сохранившим в себе раннеболгарский язык: «...die frühere bulgarische Sprache blieb nur in der Sprache der Čuvašen erhalten» [14, с. 70] (раннеболгарский язык сохранился только в языке чувашей). Данная позиция ученого-полиглота проливает свет и на историю умлаута, широко распространенного в немецкой и чувашской речи, и на богатство звука [Ÿ], для передачи которого существует множество транскрипционных знаков. В отношении родословного дерева чувашского языка у энциклопедистов мнение едино: «язык гуннов прошел через стадию языка волжских болгар и сохранился у современных чувашей» [5, с. 514].

Как инлаут умлаут *Ÿ* часто выступает и в арабо-чувашских параллелях: *çühe* – чӱхе, чӱке 'полоскать', *çüreçe* – чӱрече 'окно, окошко, форточка', *hüme* – хӱме 'изгородь', *hüre* – хӱре 'хвост', *jüle* – йӱле 'нараспашку', *jüne* – йӱнӗ 'дешевый', *kükürt* – кӱкӗрт 'сера', *kül* – кӱл 'запрягать', *küse* – кӱсе 'безусый', *süre* – сӱре 'борона', *tüse* – тӱс 'терпеть', *tütel* – тӱт 'рожок', *šürpe* – шӱрпе 'сын' и др. [18, с. 196–203]. Насчет умлаута в этнониме *Türk oder Türke* существует следующее утверждение: данное слово с *ü* первоначально означало *Kraft, Stärke* 'сила', у носителя чувашского языка сразу возникает ассоциация с *tёрек* – *tёреклӗ* 'сильный, властный'. Орхоно-енисейский памятник возводит данное слово к *türi* (*Gesetz, Gewohnheit, Brauch* 'закон, привычка, обычай'), что также созвучно с чувашским *тӱре* 'судья, судья, чиновники'. Имеем в виду и чувашское *тёрӗк* 'тюркский', а также звукообразование *ü* – *ю* – *ё*, где буквы не в состоянии выразить все тонкости звуков в условиях полиязычных алфавитов. Исследование выявляет в упомянутом памятнике еще один новый факт, связанный с *Ÿ*: *iš küč* – *Tätigkeit* 'деятельность', что равнозначно *ёс кӱчӗ* 'дело дало' [14, с. 33]. Наши суждения о приведенных примерах подтверждают, что чувашская лексикография выделяет для *Ÿ* особый словарный текст.

Существование в чувашской речи слов с [Ÿ] создает естественное условие для правильного артикулирования похожего немецкого звука при его освоении, потому не име-

ют место отклонения от нормы второго языка под влиянием родного, расхождения в произношении слов взаимодействующих языков минимальны и интерференция в условиях данного билингвизма носит положительный характер. Исследуемый пример умлаута ценен и с этимологических позиций. В качестве дополнительного примера приведем *Uhu* 'фулин'. Русское слово образовано от *квилити* 'плакать': птица названа по напоминающему плач крику, «плачет» и чувашское звукоподражание *ўхе*. Немецкий орнитолог воспроизвел его раньше как *buh, ruhi, uhu* (баварский вариант: *üvo*), финский назвал его *huuhkaja* (попутно возникает чувашское *кайяк*) и т. п. Многое зависит от того, кто и как воспроизвел и зафиксировал это посредством своего алфавита, творчески перевел. Птица сама себе «давала» название.

Плюрализм в транскрибировании немецкоязычными чувашеоведами слов со звуком [ў], независимо от времени и пространства нахождения этноса, прозрачен и на лексеме *чўк*, связанной с номинацией осеннего месяца *ноябрь* и традиционного верования (*Heidenreligion* 'вера в степь, поле, луг, сосновый бор'). В своем развитии название обряда имело формы *чõк, чок, шор, чук, шух, цõк, чек, цок* [13, с. 426]. К близким в настоящее время соседям присоединяются финно-угорские и германские чувашеведы, пишущие о *čũke* (*чўке*), распространенном больше под названием *убук – учук* [1, с. 261–266], означающем общедеревенское всечувашское моление с угощением *яшка – пãтã*. Вариантов у него много, в том числе *Regensopfer* – жертвоприношение для дождя – и *šamäridžũk* (*šũmãp – ўтчўк*) [17, с. 87]. Налицо наличие у всех своеобразной транскрипции, попытка по возможности точно записать произношение названия древнечувашского обычая.

Скрупулезное исследование вокализма чувашского языка, в том числе звука [ў], проведено экспериментальным путем в научной лаборатории фонетики и психологии речи всесоюзного значения под руководством профессора В. А. Артемова 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков Министерства образования СССР, результаты которого были опубликованы в Ученых записках данного института [11, с. 148]. Работа выполнена Е. Н. Степановой, рекомендована к защите в качестве диссертации в 1952 г. В нашем распоряжении имеются данные ее исследования звуковой системы чувашского языка в сравнении с немецким и приложенные к нему 62 рисунка, в том числе под № 18 с палатограммой чувашского [ў] и под № 19 с иллюстрацией положения губ при его произношении.

Изучение самобытности чувашского умлаута на примере одного звука оправдано: *Ein Beispiel ist besser als Tausend Worte* (Один пример лучше тысячи слов). Становится понятно, почему немецкий термин нашел достойное место в русскоязычной «Лингвистической энциклопедии» и в «Словаре иностранных слов». В то же время в немецкоязычную лексикографию он вернулся как имеющий иностранное происхождение: *Umlaut, der; umgelauteter Vokal, um-lau-ten; einen Vokal zu einem Umlaut verändern* (изменять гласное в гласное) [15]. Убеждаемся, что язык – не механизм, а живой организм.

К исследованию умлаута мы привлекли главным образом полиглотов: практическое владение лишь двумя-тремя языками в изучении сложнейших филологических процессов малоэффективно. Е. Н. Степанова, вышеупомянутый лектор по фонетике немецкого языка, доцент, кандидат филологических наук, патриот своего предмета, владела многими языками. Пользуясь своими знаниями и авторитетом, в 1951 г. она основала при Чувашском государственном педагогическом институте факультет иностранных языков. В г. Москве она создала группу молодых преподавателей, получивших направления на работу в Чувашию. Приглашенные таким образом специалисты работали с энтузиазмом, переносили стойко все тяготы и лишения послевоенного времени. Во главе с первым деканом единственного в Чувашии факультета иностранных языков они служили и по сей день служат примером учителя иностранных языков. А образ доцента Е. Н. Степановой как лучшего преподавателя фонетики до сих пор перед глазами, а ее имя – на слуху.

Она познакомила студентов с 19 органами речи, обосновала теоретически и опытно-экспериментально артикуляцию чувашских и немецких звуков, обучила движению органов речи, приводящему голосовой тракт в необходимое состояние для произнесения изучаемых звуков. Исследовав в сравнительно-сопоставительном плане вокализм и консонантизм двух контактирующих в процессе обучения языков, Е. Н. Степанова описала 15 гласных фонем немецкого языка в сравнении с 9 чувашского языка, а также изучила 24 немецкие согласные фонемы в сравнении с 19 чувашскими.

Для просвещения чувашского народа исключительное значение имеет открытый ею факультет иностранных языков: она заложила фундамент для подготовки высококвалифицированных кадров учителей английского, немецкого, французского языков, что в свою очередь способствовало созданию благоприятных условий для исследования проблем компаративного подхода к изучению родного языка: все познается в сравнении. Этот вывод соответствует содержанию лозунга И. В. Гете: *Wer eine fremde Sprache nicht kennt, weiss nichts von seiner eigenen* (*Кто не знает иностранного языка, тот ничего не знает о своем родном*). Наше исследование звуков [ý] и [ü] свидетельствует о мудрости данного изречения [4, с. 50].

Резюме. Доказано, что умлаут распространен не только в немецкой, но и в чувашской речи, и что чувашский язык предоставляет базу для усвоения немецкого звука [ü], так как в чувашском есть множество лексем с компонентом ý. Всесторонне раскрыть сущность звука [ý] помогают работы как упомянутых немецкоязычных чувашеведов, так и российских исследователей немецко-чувашского двуязычия XX в. – профессора М. Р. Федотова, доцента Е. Н. Степановой; авторов статей одиннадцати выпусков научного сборника под редакцией В. А. Иванова «Обучение иностранным языкам в условиях билингвизма».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка : в 15 т. Т. 13. – Чебоксары : Чув. госиздат, 2000. – 320 с.
2. Большой немецко-русский словарь : в 2 т. Т. 2 / под ред. О. И. Москальской. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 662 с.
3. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
4. Иванов В. А. Иностранные языки в школах Чувашии. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 55 с.
5. Краткая чувашская энциклопедия. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2001. – 525 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
7. Николаев В. В. История предков чувашей. – Чебоксары : Историческая библиотека, 2005. – 407 с.
8. Русско-чувашский словарь чувашского языка / под ред. И. А. Андреева, М. П. Петрова. – М. : Советская энциклопедия, 1971. – 893 с.
9. Степанова Е. Н. К вопросу о постановке произношения при обучении немецкому языку в чувашских школах // Иностранные языки в чувашской школе. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1959. – С. 3–34.
10. Федоров М. Я. Немецкий язык в чувашской школе. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1959. – 54 с.
11. Федотов М. Р. Исследователи чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2000. – 156 с.
12. Федотов М. Р. История чувашского языка. Звуки. – Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 1971. – 107 с.
13. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Т. 2. – Чебоксары : Чув. гос. ин-т гуманитарных наук, 1996. – 509 с.
14. Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. – Berlin : Buchhandlung für Kunst und Wissenschaft, 1935. – 272 S.
15. Hübner F. Deutsches Wörterbuch, Fremdwörterbuch. – Niedernhausen : Bassermann, 1995. – 44 S.
16. Kluge J. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin : Walter de Gruyter, 1967. – 916 S.
17. Paasonen H. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen. – Helsinki : Ugrilainen seura, 1949. – 381 S.
18. Scherner B. Arabische und neupersische Lehrwörter im Tschuwaschischen. – Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1977. – 231 S.

UDC [811.112.2+811.512.111]’342.622

V. A. Ivanov

UMLAUT AND ITS REFLECTION IN THE RESEARCH OF GERMAN-CHUVASH BILINGUISM ON THE EXAMPLE OF SOUND [ŷ]

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article studies German linguistic term *Umlaut* which is used in Russian without translation in oral and written speech and is semanticized as modification – timbre change of the back root vowels as a result of shifting them forward. On the example of palatalization of the vowel *Y* to *ŷ* in Chuvash language and *U* to *Ü* in German, taking into account the panchronic nature of this process of development of the labialized sound and based on the long-term experience of teaching pronunciation and transcribing words with the umlaut component, the author gives priority to the positive value of interference, which is mutual enrichment of the contacting languages. The article clearly illustrates the representation of the dictionary text «Umlaut» in the Chuvash lexicography and the quantitative characteristics of *Ü* in the lexical fund of the German language. The frequency of examples of a sound change like *Stuhl* to *Stühle* (Plural) or the Chuvash *ULA* to *ŷLE* with the same meaning proves the future for the topic, and the presence of German *wudu* in the entry about «Umlaut» in encyclopedia encourages interest in English *wood* [wud] (forest, firewood) and Chuvash *Bym* (forest, firewood, fire) as the example of the relevance of the topic.

Keywords: *umlaut, vocalism, consonantism, pronunciation, articulation, anlaut, inlaut, auslaut, etymology, phoneme, imitative, interference, transcription.*

REFERENCES

1. *Ashmarin N. I.* Slovar' chuvashskogo yazyka : v 15 t. T. 13. – Cheboksary : Chuv. gosizdat, 2000. – 320 s.
2. *Bol'shoj nemecko-russkij slovar'* : v 2 t. T. 2 / pod red. O. I. Moskal'skoj. – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1969. – 662 s.
3. *Egorov V. G.* Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1964. – 355 s.
4. *Ivanov V. A.* Inostrannye yazyki v shkolakh Chuvashii. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1982. – 55 s.
5. *Kratkaya chuvashskaya enciklopediya.* – Cheboksary : Chuv. kn. izd-vo, 2001. – 525 s.
6. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* / pod red. V. N. Yarcevoj. – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1990. – 683 s.
7. *Nikolaev V. V.* Istoriya predkov chuvashoj. – Cheboksary : Istoricheskaya biblioteka, 2005. – 407 s.
8. *Russko-chuvashskij slovar'* chuvashskogo yazyka / pod red. I. A. Andreeva, M. P. Petrova. – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1971. – 893 s.
9. *Stepanova E. N.* K voprosu o postanovke proiznosheniya pri obuchenii nemeckomu yazyku v chuvashskikh shkolakh // Inostrannye yazyki v chuvashskoj shkole. – Cheboksary : Chuvashgosizdat, 1959. – С. 3–34.
10. *Fedorov M. Ya.* Nemeckij yazyk v chuvashskoj shkole. – Cheboksary : Chuvashgosizdat, 1959. – 54 s.
11. *Fedotov M. R.* Issledovateli chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvash. gos. un-t, 2000. – 156 s.
12. *Fedotov M. R.* Istoriya chuvashskogo yazyka. Zvuki. – Cheboksary : Chuvash. gos. un-t, 1971. – 107 s.
13. *Fedotov M. R.* Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka : v 2 t. T. 2. – Cheboksary : Chuv. gos. in-t gumanitarnykh nauk, 1996. – 509 s.
14. *Barthold W.* 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. – Berlin : Buchhandlung für Kunst und Wissenschaft, 1935. – 272 S.
15. *Hübner F.* Deutsches Wörterbuch, Fremdwörterbuch. – Niedernhausen : Bassermann, 1995. – 44 S.
16. *Kluge J.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin : Walter de Gruyter, 1967. – 916 S.
17. *Paasonen H.* Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwaschen. – Helsinki : Ugrilainen seura, 1949. – 381 S.
18. *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehrwörter im Tschuwaschischen. – Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1977. – 231 S.

© Ivanov V. A., 2018

Ivanov, Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Pedagogics, Professor of the Department of Foreign Languages № 2, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: profiwanow@yandex.ru

The article was contributed on Oktober 18, 2018